

Виталий КАЛЬПИДИ

БЕЛЁСАЯ ТЕМЕНЬ БУМАГИ

Поэтические римейки на классику

Римейк 1

«В деревне Бог живёт не по углам» (И. Бродский)

В Еманжелинске, прячась по углам,
под мостовой, в водопроводном кране,
ангину гладиолусами гланд
щекочет бог внутри своей гортани.

Наевшись на ночь мокрых макарон,
дрожа от им же созданного ветра,
он, как всегда, закончит моцион,
листая комикс Ветхого Завета.

Он встанет ночью восемь раз подряд
убавить газ в раздолбанной духовке,
где плавится миниатюрный ад
уже который год без остановки.

Оттуда крики плещут через край.
И если уж не с бухты, то с барахты
он пальцем на стекле духовки – «Рай» –
выводит, улыбаясь артефакту.

Потом сидит, рассматривая пол,
и сам себе, поморщившись капризно,
бог внутривенно делает укол
проверенным снотворным атеизма.

***Римейк 2. СТАРАЯ ЖЕНЩИНА.
«Некрасивая девочка» (Н. Заболоцкий)***

Швырнувши колоду истерзанных карт,
она прижимает ладони к гортани,
и длится, и длится, и длится закат
и дальше, и дольше её очертаний.

Не просто сидит у проёма окна,
покрыта снаружи девичеством ветхим,
а смотрит, не зная, что смотрит, она,
не видя деревьев, на тёмные ветки.

И если обрезать по контуру свет,
её обтекающий вдоль, а не вдоволь,
получится самый простой трафарет,
каким напечатаны птицы и вдовы.

Узлы расплетая, домашний паук
с лица у неё похищает морщины
и ткацким движением маленьких рук
мотает в клубки для своей паутины.

Стоит разорённая, будто гнездо,
у зеркала утром, пока разумеет,

что старость не то, что стареет, а то,
что длится в тебе и никак не стареет.

Руками исходит, как тайная власть
над миром укропа, борща и душицы,
где жизнь удивительно не удалась
уже потому, что вот-вот завершится.

Ночами выходит в зелёном пальто
и бродит кругами по детской площадке,
и мантры учения «Агни Барто»
читает часами в священном припадке.

Для ангелов ночи она – как сосуд,
но, дергая от отвращения плечами,
они из неё, обознавшись, сосут
не душу, а тихую ярость прощанья.

Когда от росы покачнутся кусты,
они улетают проворнее моли.
Так бог избегает своей пустоты
при помощи боли.

Римейк 3

«Она сидела на полу...» (Ф. Тютчев)

Она лежала на полу,
как пачка писем без конвертов,
как будто сняли бечеву,
и те рассыпались от ветра.

Она лежала вниз лицом,
вчитавшись в пыль на половицах,
и пыль была последним сном,
который ей успел присниться.

Она бы встала кое-как,
она бы сделала движенье,
ей был необходим лишь знак
небесного происхожденья.

А тот, кто мог его подать,
стоял над телом беспризорным,
как татуированный тать,
покрытый инеем узорным.

Скорей всего, что он сюда
летел в потоке снежной пыли,
коль с перьев капала вода,
пока оттаивали крылья.

Тем временем её душа
наружу вышла через спину,
и он, волнуясь и спеша,
перекусил ей пуповину.

Он делал это впопыхах,
урча, как кот, от наслажденья,
и пуповина на зубах
искрила, как под напряженьем.

Римейк 4
«Читайте, деревья, стихи Гезиода» (Н. Заболоцкий)

Читают деревья брошюры и книги,
надев переплётов тугие вериги,
как только запрут их двуногие маги
в белёсую темень бездонной бумаги.

А в Еманжелинске жуют можжевельник,
чтоб дикция лучше была в понедельник,
там с кашей во рту шепелявят букашки,
гуляя по белой и розовой кашке.

«Стрекозы – тираны! Синичку – на царство!» –
шмели зашумели, пытаясь кусаться,
листва лепетала, поскрипывал силос,
как будто природа со скуки взбесилась.

Горох, на себе разрывая рубаху,
растёт, рекламируя русскую плаху,
но просит при этом защиты закона,
как жертва насилия и силикона.

Призывно природа стучит в барабаны.
Мы с нею садимся играть на щелбаны.
И лысое темя любого Сократа
распухнет в итоге, причём многократно.

На сбитых коленях своих поколений
по Еманжелинску ползёт населенье
укладывать уголь, возделывать злаки
для шапки, пылающей на Мономахе.

Мы необратимы и неоткровенны
от Северодвинска до севера скверны,
от Сены Парижа до жадной Женевы,
до еманжелинской травы ежедневной.

Стою возле зеркала в стоптанной тапке
и трогаю веко с гусиною лапкой.
Как только я дёрну за узел морщины,
распустится тело до первопричины.

Римейк 5
В больнице (Б. Пастернак)

Болезнь состоялась в апреле, в конце,
премьерным аншлагом больницы.
В приёмном покое под мухой цеце
взялась за меня фельдшерица.

На ней, как паук, шевелился парик
и брови, конечно же, брови,
а нос с опозданием, но всё же возник,
чтоб громко чихнуть на здоровье.

Я первые сутки лежал кое-как
под пыльным окном в коридоре.
Казалось, что лай поселковых собак
в моём начинается горле.

Окно полагался уральский закат,
но влез исковерканный тополь.
И нянечка делала матриархат,
умея ругаться и топать.

Всё рвался наружу какой-то нарыв,
к утру я почти что загнулся
и плакал всухую, про слёзы забыв,
поэтому не захлебнулся.

Вода в батарее шумела, а дождь
вытягивал струи, как выи,
соструив мне шесть выразительных рож,
как могут лишь глухонемые.

Потом на каталке мы с телом моим
в операционной катались,
где было легко надругаться над ним,
и те, кто могли, надругались.

И с трубкой во рту, как подводный пловец,
лежал я на дне пробужденья,
и в маске стоял надо мною риздец
нерусского происхождения,

и в пятки трусливо сбежала душа,
проворно и даже умело.
Меня ж отстояло, на ладан дыша,
моё беззащитное тело.

О Боже, куда мне складировать боль?
Зашитый на скорые нитки,
я сутки её добываю, как соль,
промышленным способом пытки.

Ты требуешь просьбы. Вот я и прошу.
Не знаю чего, но прошу же.
Рулонной бумагой повязку сушу
и пробую сделать потуже.

И вот я лежу пред Тобой на спине,
живот прикрывая подушкой.
Я верю в Тебя, но не верю Тебе,
всё время боюсь потому что.

И мне открывается истины свет:
рассчитывать глупо на жалость,
прощенья не будет, его уже нет.
Оно и не предполагалось...

Римейк 6

TRISTIA (О. Мандельштам)

Я научил щенка сосать мизинец,
и сладкой псинкой пахнет наша жизнь.
Как не назвать себя еманжелинец,
когда вокруг такой Еманжелинск.
Здесь над рекой в многоэтажной позе,
пока не наступает время гроз,

висит в неопишемом наркозе
сверкающее здание стрекоз.

Тут нет любви, но есть её приметы:
примятая неправильно трава
и мятный запах вкусной сигареты,
подброшенный траве позавчера.
Тут увлечение старостью доходит
до фанатизма и наоборот.
Тут что-то деньги делают в народе,
купив себе для этого народ.

Тут слишком широко глаза у бога
расставлены (почти как у щеглят),
поэтому на нас он смотрит сбоку
и боком нам выходит этот взгляд.
Тут женщины изобретают кошек,
пока мужчины пестуют собак,
и нимбы из кровососущих мошек
над ними чуть рассеивают мрак.

Тут понаслышке знают скороспелки,
готовые вот-вот заматереть,
что пуповины отгрызают белки,
раскосые, наверное, как смерть.
Тут прилетают демоны ночные
и, втайне соревнуясь, кто скорей,
зализывают ямки теменные
младенцам, превращая их в людей.

Здесь, коль мужья во сне изменят позу
на подходящую, то жены тут как тут
заранее наплаканные слёзы
в глазницы спящим до краёв нальют.
И сны мужчин всплывают на поверхность
и образуют разноцветный лёд,
в котором может отразиться верность,
конечно, если не наоборот.

Деревья здесь сколочены из елей
(но иногда их делают из лип),
и метят территорию метели,
и снег скрипит, переходя на хрип.
Здесь расставанье – целая наука,
тем более что прямо надо мной
гнездо скрепляет ласточка-разлука
своей не отвратительной слюной.

Тут на людей совсем не смотрят птицы,
но по привычке всё ещё кричат,
тут сладко спят серийные убийцы,
которых так и не разоблачат.
Тут батюшка молоденький с амвона,
как песенки, поёт свои псалмы,
и девушки гуляют вдоль газона
по тротуару из гнилой сосны.